

ИНГА СНЕЖНАЯ

ШЕПОТ
В ГОРОДЕ
МУТАЦИЯ ДУШ

16+

Шепот в городе

Инга Снежная

Шепот в городе. Мутация душ

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Инга Снежная

Шепот в городе. Мутация душ / Инга Снежная — «ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Шепот в городе)

В провинциальном городке, в котором живет Марина Шёпот, ведущая телепрограммы «Шёпот в городе», снова неспокойно. Одна за одной начинают исчезать женщины, которые перед этим отказываются от лечения в местной больнице. Как с этими событиями связан некий реабилитационный центр «Психея»? Кто такой таинственный Учитель, проводящий в нём свои магические сеансы? И куда подевалась девушка Аня, которую разыскивает её тётя? На все эти вопросы предстоит найти ответ Марине, которая вместе со своими друзьями оказалась в эпицентре загадочных событий.

© Инга Снежная, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Зимний вечер уже успел накрыться тёмной шалью рано сгустившихся сумерек. Мороз крепчал, и снег под ногами бодро похрустывал, вторя торопливым шагам девушки. Пройдя еще несколько метров, она приблизилась к большому, бревенчатому дому, стоящему в глубине двора, и робко постучала в дверь замёрзшей ладошкой.

– Входи, – послышался за дверью низкий, уверенный голос, и девушка перешагнула порог, несмело оглядывая тускло освещённое помещение.

Вокруг стояла простая мебель, сколоченная из грубых досок, ещё источающих аромат древесины, белые крахмальные занавески на окнах плотно задёрнуты. Девушка с напряжённым вниманием осматривалась вокруг, её большие, тёмные глаза были широко распахнуты, будто бы в ожидании чуда. Мужчина, сидящий в самом центре комнаты на широкой, грубо сколоченной лавке, смотрел на вошедшую с неподдельным интересом. Девушка слегка смутилась и замялась у порога, не зная, куда пристроить непослушные руки.

– Не смущайся, подойди ближе, милая, – сказал мужчина и улыбнулся так, что ей на миг показалось, что лучики солнца согрели её истерзанное сердце. «Учитель поможет», – мелькнула в её голове мысль, моментально придавшая ей сил и уверенность в том, что здесь она сможет найти поддержку и утешение. Женщины в общине много раз рассказывали ей, какое это счастье, побывать на личной встрече с их идейным вдохновителем.

– Будь храбрее, – повторяли они, как заворожённые, – Делай всё, что он тебе велит. Тогда ты ощутишь любовь и высшее благо, которым он тебя одарит.

Отбросив напрасную тревогу, она сделала несколько уверенных шагов и оказалась напротив мужчины, с надеждой глядя ему прямо в глаза.

– Тебя как зовут? – спросил он, ласково дотронувшись до её плеча.

– Аня, – ответила она, почувствовав, как по всему телу разливается тепло от его прикосновения.

– Хорошее имя. Садись ближе, Аннушка, – сказал Учитель, указывая на невысокий табурет рядом со столом.

Девушка присела, не отрываясь глядя в глаза Учителя и просто физически ощущая исходящее от него тепло и участие. Уже почти год после того, как быстро и нелепо умерла её мама, Аня нигде не чувствовала столько заботы от окружающих её людей, как здесь. Все женщины, находящиеся вокруг неё, дарили ей ежеминутное внимание. Они стремились угадать все её желания, постоянно интересуясь, не голодна ли она, не замёрзла ли, или просто, не хочется ли ей прилечь отдохнуть. Такую заботу Аня встречала только от мамы. Она была единственным и поздним ребёнком. Мама родила ее в уже достаточно зрелом возрасте, что называется, «для себя». И никогда, до самой своей смерти, даже когда сама нуждалась в постоянной заботе и уходе, не оставляла Аню без внимания. Окружающие видели в ней уже достаточно взрослую девушку, которая могла бы сама о себе позаботиться. И только мама понимала, что в глубине души Аня всё ещё та же наивная девочка, которая в пятилетнем возрасте привязывала розовые банты к ушкам своего любимого плюшевого кролика. Потеряв единственного близкого человека, Аня почувствовала себя настолько одинокой и потерянной, что её психика с трудом справлялась с навалившимися на неё проблемами. Она обращалась к специалистам, но получала только временное облегчение. Находясь здесь, среди добрых и заботливых людей, она впервые за последний год снова почувствовала себя защищённой. Сейчас человек, находящийся перед ней, олицетворял собою то самое чувство защищённости, которого она искала так долго.

– Ты пришла за помощью, Аннушка? – спросил он тихо, но каждое слово проникало в самое сердце девушки.

– Да. С тех пор, как мама умерла, у меня никого не осталось. Мне очень плохо. И страшно, – сказала она и почувствовала, как слёзы наворачиваются у неё на глаза. Она снова вспомнила, как маму увозили в больницу, как на её измученном болями лице отразился испуг,

относящийся скорее к переживаниям за свою дочь, которая оставалась один на один с жизненными трудностями. Потом в памяти всплыл ночной звонок из больницы с сообщением о том, что мамы больше нет, и пелена ледяного ужаса, которая накрыла Аню с головой после осознания произошедшего. От нахлынувших воспоминаний у Ани защемило в груди, а в горле образовался предательский комок.

– Ничего, не плачь, милая, – произнёс Учитель и снова погладил Аню по плечу, – ты попала в нужное место. Я помогу тебе. Ты знаешь, что это за место, в котором ты находишься? Это место силы. Сама земля, по которой ты ходишь, даёт тебе силу и защиту от всего того зла, которое преследует тебя там, в большом мире, – речь Учителя лилась плавно, его слова западали в душу внимательно слушающей его девушке, – Ты слышишь меня? – спросил он, неотрывно глядя Ане в глаза.

– Да, я слышу, Учитель, – сказала она, всматриваясь в воодушевлённое лицо мужчины.

– Я дам тебе защиту и своё покровительство. Никто не обидит тебя, пока ты здесь. Земля подарит тебе силу и напитает твоё сердце любовью. Каждый, кто живёт в нашей общине, получает её сполна и щедро дарит другим, – говорил он, глядя по голове притихшую девушку, – Скоро ты почувствуешь, как эта любовь напитает твою душу и даст силы и желание жить. Возмен ты тоже должна будешь отдать нам свою любовь. Ты готова к этому, Аннушка?

– Готова, – ответила девушка, восхищённо глядя в глаза Учителю и чувствуя, как всё её существо наполняется необыкновенной лёгкостью.

– Запомни, что ты становишься членом большой и дружной семьи. Тебе не нужно ничего из того, злого материального мира, у тебя будет всё необходимое. Здесь каждый друг за друга, поэтому у нас не бывает ни одиночества, ни страха, и скоро душа твоя освободится от метаний. Там будет царить только любовь, и ты сможешь ощутить внутри себя благодать. Ты ведь хочешь этого, Аннушка?

– Конечно, Учитель, – ответила она, не осознавая, что уже находится в состоянии глубокого транса.

– Тогда иди ко мне, Аннушка. Открой мне свою душу и тело, оставь позади страхи и смятения. Ты избрана, чтобы ощутить вечную любовь, и чтобы дарить её.

Девушка чувствовала восхищённое оцепенение, когда умелые пальцы Учителя расстёгивали пуговицы на её блузке, а его прикосновения становились значительно откровеннее.

– Я покажу тебе дорогу к вечной любви и блаженству.

Слушая эти слова, девушка впала в состояние гипнотической эйфории, позволяя рукам Учителя спускаться всё ниже по её безвольному телу.

Сегодняшний день не задался с самого утра. Сначала у меня сбежал кофе, потом я обнаружила, что молоко, с которым я планировала его выпить, уже скисло. Затем я долго искала ключи от дома, завалившиеся за обувную тумбу, параллельно затягивая на ботинке неожиданно лопнувший шнурок. Логическим продолжением череды неприятностей стало то, что по прибытии в телецентр я узнала о поломке микроавтобуса, на котором мы с моей съёмочной группой должны были выехать в аэропорт снимать прибытие в наш город видного политического деятеля. С ним я должна была снять интервью, которое выйдет в вечернем эфире моей авторской программы «Шёпот в городе». Замысел состоял в том, чтобы задать несколько вопросов политику практически прямо у трапа, ведь именно такие экспромты я особенно любила. Мой профессиональный опыт говорил о том, что без подготовки человек отвечает особенно искренне. Плановое же интервью у него намечалось со звездой нашего новостного эфира, Настей Стуковой, девушкой неземной красоты, имеющей высокое покровительство в лице нашего градоначальника.

Обычно все организационные вопросы, в том числе и транспортные, в два счёта решает мой помощник Славка Бурцев, но сегодня он был сам не свой. В итоге до аэропорта мы доби-

рались на моей машине, а остальные члены группы на большом внедорожнике, личном автомобиле Вась-вася, а точнее, нашего любимого руководителя, Василия Васильевича Скворцова. Славка ехал со мною рядом и был мрачнее тучи, что совсем было не похоже на моего обычно весёлого и болтливого помощника. Благополучно отсняв прибытие именитого политика, и взяв у него небольшое интервью, мы отправились обратно в телецентр. У нас со Славкой выдался небольшой перерыв, и я предложила ему выпить кофе в кафетерии на первом этаже.

– У тебя всё в порядке? – спросила я внимательно глядя на Славку. Мы сидели напротив друг друга за небольшим столиком и прихлёбывали из чашек ароматный капучино.

– Да, нормально, – отмахнулся он, но провести меня ему не удалось.

– Выкладывай, что случилось. Я же вижу, на тебе лица нет. Ты же знаешь, я болтать не стану.

Он посмотрел на меня сосредоточенно. И решился на откровенность.

– Мама чудит. После смерти отца она очень странную стала.

Немногим больше года назад Слава похоронил своего отца. Последняя стадия рака не оставила ещё достаточно молодому мужчине ни малейшего шанса. Славка очень тяжело переживал его смерть, ведь с отцом они были очень близки. Мама Славки так и не сумела оправиться от удара. Её с головой накрыла тяжелая депрессия. Она полностью потеряла интерес к жизни и достаточно редко выходила из дома, целыми днями проводя на диване перед телевизором, безвольно переключая каналы. Пришлось даже обращаться к специалистам. Антидепрессанты ненадолго помогли женщине, но, как видно, полностью проблему не решили. Сын старался окружить её заботой, предлагал даже пожить вместе, решив на время вернуться в родительское гнездо. Но он не смог заполнить психологическую брешь, образовавшуюся в результате потери мужа, с которым она прожила более тридцати лет.

– Теперь у неё очередная идея, – рассказывал Славка, помешивая остатки кофе маленькой ложечкой, – Хочет продать квартиру и уехать жить в деревню. Вроде как, там, на природе, ей будет гораздо лучше.

– Возможно, так оно и есть, – заметила я, пытаясь приободрить приятеля.

– Да что там может быть хорошего? – встрепенулся он, – Крошечная деревенька в самом заброшенном уголке области. Никаких благ цивилизации. Да и вообще, история мутная. Я прошу её, поедем, посмотрим, что за место, что за дом. А она ни в какую. Говорит, сама всё решит, не надо, чтобы я вмешивался. Я уж грешным делом подумал, не в монастырь ли она собралась? Очень уж все таинственно вокруг этого её переселения.

– А где она сейчас? – спросила я, глядя на переживающего Славку.

– Уехала как раз в эту деревню. Сказала, что у неё там подруга новая проживает. Пока погостит у неё. А потом вопрос с продажей квартиры решит, и уедет уже насовсем.

– Странно, конечно, – согласилась я со Славой, – Почему она всё решила сделать без твоего участия? Ведь у вас с ней всегда были хорошие отношения. В таком деле, как продажа и покупка недвижимости помощь близкого человека всегда кстати.

– Сам не знаю. Ты пойми, Марина, я ведь не о квартире беспокоюсь. Это её дело. Сам я жильём обеспечен, квартира мне от бабушки осталась, и на родительскую жилплощадь никогда не претендовал. Я просто за неё боюсь. Вдруг обманут. Подсунут какую-нибудь рухлядь взамен приличной двушки в центре города.

– Да. На ум действительно приходят страшилки про чёрных риелторов, – задумчиво произнесла я, – Ты узнавал, через какую фирму она оформляет продажу квартиры?

– Пытался у неё узнать. Она объяснять ничего не хочет. Говорит, что всё сделает сама, ей помогут, найдут покупателей, и с оформлением документов тоже проблем не будет. А со мной в этом вопросе на контакт она идти не желает. Говорит, что я её отговаривать начну, а она уже решение приняла, и отказываться от него не собирается. Продаст сначала квартиру, а потом уже подумает, что дальше.

– Сам говоришь, дом в этой деревне она уже присмотрела.

– Короче, не нравится мне всё это. Я предлагал ей, купи дом в Белой речке. И от города недалеко, и природа прекрасная. Плюс ко всему, все блага цивилизации под рукой. Есть даже супермаркет. Так нет, ей зачем-то в эту глухомань понадобилось. И что там за дом она подобрала, а показывать не хочет? – Славка явно нервничал, бессмысленно крутя в руках опустевшую чашку.

– Так в чём же дело? Ты знаешь название этой деревни?

– Да, узнал случайно. Мама при мне билет на автобус онлайн покупала, запомнил название. Кстати, название соответствует положению самой деревни. Глухово. И находится она действительно в самой глуши нашей области. Там даже связь очень плохая, дозвониться до мамы я не могу. Ехать туда по трассе от нас около ста километров, а потом еще по бездорожью километров пять. Я предлагал маме, давай отвезу в выходной день. Нет, она ни в какую, руками замахала. И, похоже, специально выбрала день для отъезда, когда я занят на работе.

– Так давай в выходные навестим это таинственное место и всё выясним, – предложила я Славке с энтузиазмом, – Лучше всё увидеть своими глазами, чем мучиться от неизвестности.

Он посмотрел на меня внимательно и согласился.

– А давай. С тобой мне веселее будет. Да и известной журналистке гораздо проще задавать вопросы. Я точный адрес не знаю, но деревня небольшая, думаю, без особого труда найдём мамину подругу.

– Решено, – твёрдо заявила я, – В субботу рано утром выезжаем.

– Хорошо. Только поедem на моей машине. Она гораздо более пригодна для езды по бездорожью.

– Договорились, – согласилась я.

Славка приободрился, и остаток дня мы провели в нормальном рабочем режиме.

Леонид Шёпот сидел в своём рабочем кабинете, погруженный в глубокую задумчивость. В руках он вертел только что полученную бумажку с составленным на ней отказом от госпитализации его пациентки, которую он готовил к плановой операции по удалению желчного пузыря. За нею только что закрылась входная дверь, и теперь Леонид Сергеевич силился понять, что же происходит у него в отделении, прокручивая в голове их разговор.

– Как же так, милая моя, – удивлённо спрашивал он, – Мы же обо всём договорились. Операция вам жизненно необходима, поскольку камни могут в любую минуту попасть в протоки и спровоцировать начало воспалительного процесса, опасного для жизни.

– Ничего, голубчик, как-нибудь с божьей помощью справлюсь. Может быть, и не начнётся ничего такого. Не дам себя резать, и точка, – отвечала ему Клавдия Семёновна, шестидесятилетняя дама с низким, грудным голосом. Она посмотрела на него с таким воинственным видом, что Леониду Сергеевичу стало ясно – дальнейший разговор не имеет смысла. Никаких близких родственников у неё не было, так что и образумить её было некому.

Леонид Сергеевич ещё какое-то время уговаривал упрямую женщину, приводя кучу аргументов, но Клавдия Семёновна была непреклонна. Всё бы ничего, но это был уже пятый случай за последний месяц. Предыдущие пациентки также уверенно отказывались от операции, к которой были готовы ещё буквально накануне. Как будто эпидемия недоверия прошла по возглавляемому им отделению.

Как опытный хирург, Леонид Сергеевич понимал, что таких совпадений не бывает. Пять отказов от плановых операций – это уже статистика.

«Не всё спокойно в Датском королевстве», – подумал он. Кто-то явно мутил воду, мешая ему спокойно работать. Отказавшимся от медицинской помощи пациентам не избежать тяжёлых последствий для их здоровья и жизни.

Из состояния глубокой задумчивости Леонида Сергеевича вывел вошедший в кабинет Лев Станиславович Цаплин, его коллега и приятель.

– Рад приветствовать, – поздоровался он, внимательно глядя на Леонида Сергеевича, – Что-то ты, друг мой, сегодня мрачнее тучи. Неприятности?

– Да. Не замечаешь, что у нас в отделении происходит что-то странное? – задал волнующий его вопрос Леонид.

– Ну, Лёня, у нас всегда что-то происходит. Ты сейчас о чём?

– За последний месяц у меня пять пациенток отказались от плановых операций. Тебе такая ситуация не кажется необычной?

Лев задумался на несколько секунд.

– Знаешь, а у меня вчера тоже был отказ от операции по удалению кисты почки. Пациентка обследовалась, мы ей поставили диагноз и предложили лапароскопию. Она даже слушать не стала. Потребовала немедленной выписки. Я было решил, что просто дамочка попалась нервная. Но в свете того, что ты рассказываешь, вырисовывается другая картина. Возможно, кто-то наговорил гадостей об уровне нашего профессионализма. Ну да что поделаешь? В нашей профессии часто приходится сталкиваться с человеческой мнительностью.

Коллеги задумались, глядя в окно на плавно падающий снег.

– Выходит, это всё-таки неспроста, – заметил Леонид, – Нужно попытаться выяснить, в чём причина массового отказа от наших услуг. Никаких неадекватных пациентов, сеющих панику, за последнее время мне не попадалось, – он пожал плечами с выражением глубокой задумчивости на своём красивом, благородном лице.

– Может быть, они обратились в другие клиники. У нас в городе альтернативой может явиться только платное лечение в медицинском центре доктора Павловского. Но ведь, возможно, они обратились в областные больницы, или вообще решили лечиться в других городах или даже странах. Мир сейчас открыт.

– Конечно, я не исключаю такого варианта. Допустим, пациентки, а заметь, что это именно женщины, в массовом порядке усомнились в нашем профессионализме. Но из общения с ними у меня создалось ощущение, что они вовсе не собираются оперироваться, – сказал Леонид Сергеевич, удивлённо разведя руками, – просто какое-то массовое помешательство.

– Думаю, необходимо проследить, как складывается их дальнейшая судьба. Возможно, кое-кто из них поменяет своё мнение после очередного приступа. Ведь у них у всех нештучные диагнозы.

– Пожалуй, я расскажу об этом дочери. Пусть она поговорит со своим приятелем, он служит в полиции. Лично я не исключаю, что эти события могут иметь криминальный характер.

– Ну, не думаю, что всё настолько серьёзно. Просто дамочки запаниковали перед хирургическим вмешательством. Одна другой что-то наболтала, и пошло-поехало, как это часто бывает у женщин.

– Я всё-таки не склонен относиться к ситуации с такой лёгкостью. Ладно. Поживём – увидим.

Ранним субботним утром, когда скупое зимнее солнышко еще сладко спало за линией горизонта, мы со Славой двинулись в путь, настроив на навигаторе маршрут до неизвестной нам деревни Глухово. Слава заметно нервничал, ведь телефон его мамы по-прежнему не отвечал.

– Что же это за глухомань такая, эта деревня Глухово?

Мобильная связь уже, по-моему, есть практически во всех уголках области, – ворчал он, ловко ведя машину по присыпанной утренним снежком трассе.

Я согласно кивала, слушая Славку, хотя голова моя в данную минуту была занята другим. Я думала о своём вчерашнем разговоре с папой. Оказывается, у него в клинике начались

довольно странные случаи массовых отказов пациенток от операций, которые были уже согласованы. Мало того, папа уже провёл небольшое расследование, и выяснил, что в других отделениях тоже были неоднократные случаи отказа от лечения.

– Такое, конечно, иногда случается, – говорил мне папа, когда накануне вечером мы прогуливались по заснеженной аллее возле моего дома, – но пугает то, что нынешние отказы носят массовый характер. К тому же есть ещё одна странная особенность. Все отказавшиеся от лечения – женщины. Причём, представительниц семей олигархов среди них нет, так что вряд ли они надумали оперироваться в лучших клиниках мира. Обычные гражданки, получающие медицинские услуги по полису ОМС.

– Ситуация, конечно, странная, – согласилась я с папой, – я поговорю с Сашей. Может быть, ему удастся что-то узнать об этих женщинах. Вполне возможно, что все эти случаи как-то связаны между собой.

Саша Петров – это мой приятель и одноклассник, работающий в полиции. С ним вместе мы уже проводили расследование, выясняя подробности гибели моей подруги. Сразу после разговора с папой я позвонила ему.

– Да, что-то здесь нечисто, – произнёс Саша, выслушав мой рассказ, – попробую помочь. Для начала, скинь мне личные данные всех пациенток.

– Хорошо, спасибо тебе заранее.

– Если что-то выясню, сообщу, – пообещал Саша, и мы распрощались.

Около полутора часов мы со Славкой ехали по трассе в направлении севера области. Затем навигатор показал поворот налево, и мы свернули на довольно узкую дорогу, проходящую между деревьев. Вскоре мы заметили указатель с табличкой «Глухово», и поняли, что прибыли к месту назначения. Дорога вывела нас на деревенскую улицу, вдоль которой стояли несколько потемневших от времени, и наполовину вросших в землю домишек. Большинство из них были почти по самую крышу занесены снегом. Картина была довольно удручающей. Деревня совершенно не походила на милое, уютное местечко, куда хотелось бы переселиться, чтобы спрятаться от городской суеты. Окружающая местность скорее походила на декорацию фильма ужасов, до того тоскливо и зловеще выглядели брошенные почерневшие дома и замёрзшие снегом кустарники.

– Ну и где же нам искать дом этой маминой подруги? – задал вопрос Славка, когда мы выбрались из машины, остановившись у покосившегося забора. Для парковки мы выбрали место напротив одного из тех домов, в которых наблюдались признаки человеческой деятельности. Тропинка от старенькой калитки до двери дома была расчищена, а из трубы шёл бодрый дымок. Видимо, хозяева недавно затопили печь.

– Ты не знаешь ни имени, ни фамилии этой самой подруги? – спросила я у Славки.

– Нет, конечно. Она всё держала в секрете, – ответил он.

– А мамина фотография у тебя есть?

– Это конечно, – ответил Славка, доставая мобильный, – Вот, фотки с моего дня рождения.

На фотографии я увидела изображение Славки, нежно обнимающего за плечи женщину около шестидесяти лет, с потухшим и каким-то обречённым взглядом.

– Как её зовут? – задала я вопрос, задумчиво глядя на фото.

– Бурцева Ирина Тимофеевна, – ответил он.

– Придётся проводить опрос местных жителей, – выдвинула предложение я, – Как видно, таких здесь немного.

Окружающая местность явно не была густонаселённой. Мы подошли к первому дому, подававшему признаки жизни.

– Хозяева! – громко крикнула я, – Есть кто дома?

На мой голос первой отозвалась собака, с заливистым лаем выскочившая из будки у забора. Спустя минуту дверь распахнулась, и на крыльцо вышла невысокая старушка в валенках и куцей телогрейке.

– Вам кого? – бодро спросила она нас, шагая к калитке, – Заблудились что ли?

– Хотим задать вам пару вопросов, – ответила я, приветливо улыбаясь подошедшей женщине.

– Ну что ж. задавайте, – легко согласилась та. И вдруг всплеснула руками, посмотрев на меня внимательнее, – Боже мой, – воскликнула она, обрадовавшись мне, будто старой знакомой, – Вы ведь та барышня из телевизора! Журналистка.

– Разрешите представиться, Марина Шёпот, – протянула я руку пожилой женщине, перекинув её через калитку, – А это мой помощник, Слава.

– Да-да, выходит, вы с телевидения? – как будто не веря своему счастью, причитала женщина. Проходите, пожалуйста, что ж я вас у калитки держу.

Она сняла металлический крючок и пропустила нас во двор.

– Проходите в дом, во дворе стоять холодно.

С этими словами она засемила по тропинке в сторону крыльца, приглашая нас следовать за нею.

– Я-то вам не представилась. Баба Маня меня зовут, – радостно отрапортовала женщина, проведя нас в чистенькую, скромно обставленную комнату. – Чаю с дороги? У меня только самовар закипел.

Мы единодушно согласились. В комнате на полу лежали разноцветные рукодельные дорожки, на стене радостно тикали ходики, а в углу стоял старый ламповый телевизор, накрытый кружевной вязаной салфеткой. Возникло ощущение, что мы переместились в прошлое, такими милыми и старомодными казались эти картины деревенского быта.

– Присаживайтесь к столу, – приветливо пригласила баба Маня.

Она зазвенела чашками и вазочками с конфетами и печеньем, аккуратно расставляя их на старенькой, но чистой скатерти.

– Что привело вас в нашу глухомань? – любопытствовала баба Маня, передавая нам наполненные чашки.

– Мы ищем одну женщину. Она недавно приехала погостить в вашу деревню, – пояснила я, делая глоток из большой цветастой кружки, – Вкусно как! – похвалила я чай.

– Это я со смородиновым листом завариваю, – пояснила баба Маня. – А что за женщина?

– Моя мама, Ирина Тимофеевна, – сказал Славка, протягивая бабе Мане мобильный с фотографией, – не встречали её?

Баба Маня взяла очки с комода и внимательно посмотрела через них на снимок.

– Нет, не видела, – покачала она головой, – да и к кому у нас тут приезжать? Деревня совсем опустела. Живём здесь только я, дед Кузьмич через дом от меня, да еще несколько одиноких старух на той стороне улицы. Если б новый человек появился, я бы заметила. Только если мама ваша не в целительский центр приезжала, тот, что ближе к лесу на другом конце деревни стоит.

– А что за центр? – оживилась я, с интересом взглянув на бабу Маню.

– А пойдёшь их разбери, – махнула в ответ женщина, – только место там какое-то очень странное. Дом стоит за высоким, глухим забором, никого туда просто так не пускают. Местным и вовсе вход закрыт. Приезжают туда иногда люди, наши видели, как машины подходили, и сразу за забор прятались. Дом этот принадлежал умершей старухе Митрофановой. Долго стоял бесхозным. А этим летом рабочие приехали, и быстро возвели забор этот и строения там внутри какие-то, видимо. Стук и треск на всю деревню стоял. А теперь там центр этот располагается. Странное у них там что-то происходит. Местные болтают, что по ночам оттуда хоровое пение раздаётся. Электричества там, вроде бы, и вовсе нет, для освещения используют

факелы и свечи. Какие-то обряды, что ли, проводят, непонятно, прости господи, – с этими словами баба Маня перекрестилась, – Вот если ваша мама в этом центре обитает, то я вполне могла её и вовсе не встретить. Дело в том, что жильцы их из-за забора не выходят. Там лечатся, похоже. Любознательные местные бабки болтают, что посетители там одни только женщины. Мужики там только в охране работают, и посторонних на территорию не пускают. Да и главный их целитель – мужик. Во время их бесовских обрядов слышно, как мужской голос вызывает их к чему-то, слов, правда, не разобрать. Наши местные любопытные, к забору подходили, прислушивались. Ну, чистая секта какая-то.

«Одни только женщины», – повторила я про себя, и вдруг в моей голове всплыл недавний разговор с папой. Там отказавшиеся от лечения пациентки тоже были только женщины. Неужели это как-то связано с местным целительским центром? Возможно, очередной шарлатан привлекает доверчивых женщин сюда, чтобы выманить из них деньги, обещая излечение с помощью каких-нибудь травок и примочек? Ведь тогда жизням оказавшихся там женщин угрожает реальная опасность.

– Скажите, а кто из местных рассказывал о порядках, царящих в этом центре? – спросила я у бабы Мани.

– Да больше всех знает, пожалуй, Семёновна. Она и живёт ближе всех от их усадьбы, её дом последний по той стороне улицы.

– Пожалуй, нам стоит с нею побеседовать, – заметил Славка, – может быть, она видела маму или что-то знает о ней.

– Кстати, а вы не в курсе, какие-нибудь дома здесь продаются? – задала я вопрос, желая проверить версию о возможной покупке дома.

– Да после смерти стариков здесь много домов осталось. Обветшали совсем. Наследники какие, может быть, и продали бы с удовольствием, да только кто купит дом в нашей глуши? – ответила баба Маня с плохо скрываемой грустью в голосе.

Мы поблагодарили гостеприимную хозяйку, и решили навестить неизвестную нам Семёновну.

Машину оставили у калитки бабы Мани, чтобы не спеша осмотреть окрестности. Мы прошли по главной и, как выяснилось, единственной улице деревни, двигаясь в сторону леса. Действительно, большая часть домов, занесённых снегом почти по самую крышу, стояла без своих обитателей. Дом Семёновны мы увидели сразу. Сама женщина стояла здесь же, во дворе, набирая из поленицы охапку дров. Заметив нас, она замерла на месте, внимательно оглядывая нас с головы до ног.

– Добрый день, – поприветствовали мы её прямо с улицы.

– Здравствуйте, – поздоровалась женщина, придиричиво вглядываясь в наши лица. – Никак из города пожаловали?

– Да. Хотим задать вам несколько вопросов, – дружелюбно улыбнулась я.

Выражение лица женщины было очень серьёзным, в прищуренных глазах явно читалось недоверие. Но вдруг что-то изменилось в её лице, и удивленная улыбка пришла на смену суровой сосредоточенности.

– Мать честная, да вы с телевидения! – воскликнула она, узнав меня при внимательном рассмотрении.

– Да, я – Марина Шёпот, а это Вячеслав, мой помощник. А к вам как можно обращаться?

– Валентина Семёновна, – приветливо ответила женщина.

– Дело в том, что мы разыскиваем вот эту женщину.

Славка продемонстрировал Валентине Семёновне фотографию мамы. Она на минуту замерла, внимательно вглядываясь в изображение на его мобильном телефоне.

– А знаете, я её недавно видела, – вдруг сказала пожилая женщина, внимательно вглядываясь в экран Славкиного мобильного, – Она приехала в этот наш центр народной медицины, –

с этими словами Семёновна махнула рукой в сторону леса, где возвышался уже упомянутый высокий забор.

– Когда это было? – встрепенулся Славка.

– Да пару дней назад. Она, видимо, на автобусе прибыла сюда. А они своих постояльцев с автобусной остановки встречают на машине, охранники за ними ездят, чтобы те не топали с чемоданами по нашему бездорожью. Вот я как раз из лесочка мимо проходила, валежник насобирала. Качу себе саночки мимо их забора, а тут как раз машина притормозила, и водитель посигналил, чтобы ворота открыли. А в машине на заднем сиденье ваша мама и сидела. Она как раз повернулась и прямо на меня посмотрела. Я и запомнила, – объяснила Валентина Семёновна.

Славка разволновался.

– Скажите, не похоже было, что они её силой удерживают? – спросил он с волнением в голосе.

– Нет, она совершенно спокойная была. Ничего такого я не подумала, – ответила наша новая знакомая.

– А что за порядки у них там такие? – задала я интересующий нас вопрос, – говорят, туда так просто не пускают? И место странное, электричества нет, факелы жгут, песни по вечерам поют.

– Да, всё верно. Живут там, как староверы какие-то. Я как-то постучалась к ним, спину у меня тогда сильно прихватило. Думала, может быть, помогут, укол какой сделают или мазь продадут, если центр у них народной медицины. Охранник ворота приоткрыл, сказал, мол, идите, бабушка, отсюда, нет у нас ничего. Вот тогда я и заметила, что во дворе у них факелы горели. А песни их по вечерам доносятся, тихонько так, монотонно. Будто хором кто-то поёт, а мужик этот, главный их, твердит что-то низким таким голосом. А женские голоса за ним повторяют будто что-то. Странно там у них всё, не как у людей, – подытожила женщина.

Нарисованная Валентиной Семёновной картина явно заставила Славку занервничать ещё сильнее. Оно и понятно. Страшно представить, что твой близкий человек оказался в подобном месте.

– Так неужели их никто не проверяет? – спросил он Валентину Семёновну, плохо скрывая волнение, – Это же просто секта какая-то.

– Почему же, проверяли. Сама видела, что Володька Петухов приезжал к ним. Это наш местный участковый из соседнего села. Я его на обратном пути перехватила, спросила, что там за организация такая бесовская? А он говорит, не беспокойтесь, мол, Валентина Семёновна, всё у них там по закону, людей они лечат. Так что у власти вопросов к ним не было. А что тут поделывать, если всё законно у них?

Мы поблагодарили Валентину Семёновну, и направились в сторону загадочного центра. Подойдя ближе, мы удивлённо замерли, а Славка даже присвистнул. Забор вокруг довольно большого участка на самом деле выглядел внушительно. Высоким он был настолько, что заглянуть через него не было никакой возможности. Просветов в нём тоже обнаружить не удалось. Зато, при внимательном рассмотрении, удалось увидеть кое-что другое. По всему периметру ограждения были расставлены небольшие, хорошо замаскированные камеры наблюдения. Ко всему прочему, от соседнего электрического столба тянулись провода в сторону неизвестного здания, предположительно находящегося за забором. Вполне возможно, что там находилось даже не одно строение. Во всяком случае, площадь за оградой это вполне позволяла.

– Вот тебе и нет электричества, – иронично заметил Славка, внимательно оглядывая глухой забор.

– Похоже, за нами наблюдают, – добавила я, слегка кивнув в сторону видеокамер.

– Нужно попытаться с кем-нибудь из них пообщаться, – сказал Славка и помахал рукой в одну из камер. После этого он подошёл и несколько раз постучал в металлические ворота.

Через пару мину раздался скрежет, и ворота приоткрылись.

– Что нужно? – спросил выглянувший оттуда крепкий молодой парень в камуфляжном костюме. По всей видимости, охранник.

– Нам нужна Бурцева Ирина Тимофеевна. Мы точно знаем, что она находится здесь, – твёрдо ответил Славка, – Если вы сейчас же не дадите нам возможности с нею пообщаться, мы вызываем полицию.

Я достала своё рабочее удостоверение.

– Обратите внимание, я – Марина Шёпот. Если мы не увидим Ирину Тимофеевну, вам обеспечен не только визит полиции, но и пристальное внимание со стороны местного телевидения.

– Ждите, – коротко ответил охранник, и захлопнул за собой ворота. Нам пришлось ждать минут пятнадцать, переминаясь с ноги на ногу на зимнем холоде, прежде чем ворота заскрипели, небольшая калитка в них снова открылась, и из неё вышла женщина. Я не сразу узнала в ней Славину мать, до того изменилось её лицо, если сравнивать с недавно увиденной мной фотографией. Усталость и безысходность исчезли, глаза горели каким-то одухотворённым светом.

– Привет, Славочка, – нежно обняла она сына, одной рукой придерживая на груди белую пушистую шаль.

– Здравствуйте, – тихо поприветствовала её я.

– Добрый день, Марина, я вас узнала, – ответила женщина, и снова обратилась к сыну.

– Как ты меня нашёл? Я же адреса не оставляла, – спросила она мягко, без малейшего признака раздражения.

– Это неважно, – торопливо ответил Славка, – поедem домой, мама. Зачем тебе оставаться в этом странном месте? – на Славкином лице ясно читалось отчаянье. Мне стало жаль его практически до слёз. Как в такой ситуации найти нужные слова? Ответа на этот вопрос я и сама не знала.

– Нет, сыночек, извини, но я отсюда никуда не поеду, – замотала головой Ирина Тимофеевна, – ты не представляешь, насколько мне здесь хорошо и спокойно. Первый раз за долгое время я сплю крепко, ни разу не просыпаясь от мыслей о твоём отце. Здесь такая природа, воздух, – продолжила она восторженным голосом, – И женщины, которые здесь со мною исцеляются, тоже очень хорошие. Квартиру продам, и насовсем сюда переселюсь.

– Так ты не собираешься покупать дом? – удивлённо спросил Слава, – зачем же тогда квартиру продавать?

– Ну а как же, Слава? За лечение платить нужно. В город возвращаться я не хочу. Там маета одна. У тебя есть жильё, а зачем мне эта квартира? Без папы я в ней просто задыхаюсь. Хочу здесь пожить, в тишине, на природе. Я что, не имею на это право? – в её голосе засквозила обида.

– Имеешь, конечно. Просто это всё как-то странно, – растерянно ответил ей Слава.

– Ничего странного. Это моё решение и точка. Что же я, по-твоему, сумасшедшая, недееспособная? От бабушкиной квартиры мы в твою пользу отказались, неужели ты на нашу с папой жилплощадь претендуешь? – обида в её голосе крепчала. Она уже готова была сорваться на слёзы, чего Слава, видимо, испугался.

– Конечно, нет, мама. Хорошо, оставайся пока здесь, – не стал больше спорить с нею Славка, скорее всего, поняв, что в данный момент это бесполезно. Кто-то уже психологически обработал Ирину Тимофеевну, и все разумные доводы сына она воспринимала в штыки.

– Короче говоря, так, Слава. Я остаюсь здесь. Если не хочешь со мною ругаться, ты должен принять это моё решение, – её глаза засветились одержимым огоньком, и я поняла, что психологическое воздействие, оказанное на неё кем-то, кто обитал за этим высоким забором, было гораздо сильнее, чем это могло показаться на первый взгляд.

Она попрощалась с сыном довольно сухо, и уверенной походкой направилась обратно к воротам.

Несколько секунд мы со Славой растерянно смотрели ей вслед, затем развернулись и направились обратно по улице, в сторону дома бабы Мани.

– Сейчас мы здесь ничего не сможем поделать. Нас туда никто не пустит, – тихо сказала я Славке, – Если же ты начнёшь настаивать на её отъезде, это может вызвать у мамы нервный срыв.

– Я это понял, – на нём просто лица не было от расстройтва.

– Не переживай так, ничего плохого они ей не сделают, после нашего визита уж точно, побоятся. Мы же пока подробно наведём о них справки.

– Я на это очень надеюсь. Спасибо, что помогаешь, – сказал Слава с искренней благодарностью.

– Пойдём, спросим у бабы Мани, где у них здесь местное отделение полиции. Спросим, что именно им удалось узнать об этом странном заведении.

Мы проехали несколько километров по трассе и увидели табличку с надписью «село Рыбниково». Именно здесь, по словам бабы Мани, обитал местный участковый, Володя Петухов. День был субботний, но мы надеялись застать представителя доблестной полиции по месту его жительства. Найдя дом номер восемь по улице Цветочной, мы увидели во дворе молодого мужчину, самозабвенно колющего дрова. Это и оказался необходимый нам участковый Петухов.

– А в чём собственно дело? – задал вопрос мужчина, когда мы изложили ему суть проблемы, – центр работает на законных основаниях. Документы их я проверял. Ничего противоправного в них не обнаружил.

– Мы вас ни в чём не обвиняем, – спешно заверила я участкового, боясь спровоцировать ненужный конфликт, – просто хотим узнать подробности. Вы ведь проверяли законность их деятельности?

– Юридически это реабилитационный центр «Психея», организованный для людей, попавших в трудную жизненную ситуацию. Почему телевидение интересуется их деятельностью? Хотите сюжет о них снять, так это к ним и обращайтесь.

– Там находится моя мама, – ответил Славка.

Даже эта информация не подействовала на Петухова должным образом. Он ушёл в глухую оборону, какой часто грешат недалёкие люди, наделённые хотя бы небольшой властью.

– Гражданка удерживается у них насильно? – задал он вопрос.

– Нет, но... – начал было Славка.

– Ну а если нет, так не вижу законных оснований препятствовать её пребыванию там.

Пришлось нам с моим помощником удалиться ни с чем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.